

18+

Сергей Cookie

«Нейроглия Эхо»

Сергей Cookie

Нейроглия Эхо

«Издательские решения»

Cookie C.

Нейроглия Эхо / С. Cookie — «Издательские решения»,

Москва. Июль. Выпускник мехмата Н — аутсайдер с долгами. Его единственное сокровище — диплом по топологии. Но вместо собеседований его ждет подземный бункер «Грань» под Уралом и проект «Эхо», способный изменить законы физики. Когда эксперимент выходит из-под контроля, реальность начинает крошиться. Чтобы выжить, Н должен позволить машине вырезать куски его собственной плоти и превратить их в углеродные нанотрубки. Теперь он — Прототип-2. Оружие, которое ходит среди людей.

© Cookie C.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	16
//	18
[ЗАПРОШЕНО РУЧНОЕ ОВЕРРАЙД-ПОДТВЕРЖДЕНИЕ.]	19
//	22
[ВНЕШНИЙ КОНТУР: ПЕРЕГРУЗКА]	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Нейроглия Эхо

Сергей Cookie

© Сергей Cookie, 2026

ISBN 978-5-0071-1525-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Новое начало

Это было тёплое июльское время, Н только закончил обучение в одном из престижных вузов Москвы. Дальше в жизни он не о чем не думал, целей особо никогда и не было. Ни семьи, ни друзей, всего пару приятелей из ряда одноклассников, и вот так с дипломом на перевес Н решил прогуляться по солнечной Москве.

Диплом в дешёвом картонном тубусе оттягивал руку, но Н не выпускал его, словно это был единственный якорь во всей его двадцатидвухлетней жизни. Он вышел на станции «Кропоткинская», и раскалённый воздух ударил ему в лицо. Солнце стояло прямо над золотыми куполами, заставляя жмуриться даже сквозь тёмные стёкла очков.

Он бесцельно побрёл по Гоголевскому бульвару, мимо чугунных скамеек, где прятались от жары влюблённые пары и пожилые шахматисты. Слева тихо шелестели вековые липы, справа бронзовый Гоголь с тоской смотрел на проезжающие мимо электрокары. Н поймал себя на мысли, что совершенно не знает, куда идти дальше. В общежитие возвращаться не хотелось — комендант уже наверняка опечатывал комнаты выпускников и писал акты об отчислении. Съёмная квартира в спальном районе ждала его холодом пустого холодильника и счётом за последний месяц.

Впереди показалась ажурная ограда Музея Москвы. Решение пришло само собой, простое и механическое, как перезагрузка зависшей системы. Купить билет, зайти внутрь, сесть на прохладную банкетку в первом зале и просто сидеть там до самого закрытия, пока зрители вежливо, но настойчиво не попросят на выход. Это была идеальная программа на день человека без планов: спрятаться от мира в тихом пространстве между пыльными экспонатами.

Внутри царила благословенная прохлада старинного особняка. Пахло мастикой для паркета, старой бумагой и немного пылью веков. Н прошёл сквозь выставку, посвящённую московскому трамваю начала прошлого столетия. На пожелтевших фотографиях люди в смешных шляпах весело выглядывали из открытых вагонов, их лица были полны какой-то осмысленной суеты. У них были цели: успеть на службу, купить провизии на «Сухаревском» рынке, встретиться с невестой под часами. Они жили внутри огромного, дышащего механизма города, будучи его незаменимыми шестерёнками. А он стоял перед стеклом витрины чужим наблюдателем, выпавшим зубцом из этой передачи.

— Тяжело? — раздался рядом тихий голос.

Н вздрогнул и обернулся. Рядом стояла смотрительница зала — женщина лет шестидесяти с удивительно ясными, васильковыми глазами. Её синий форменный жилет казался единственным ярким пятном в этом монохромном мире черно-белых фотографий. Она кивнула на его тубус.

— Нет, пустой почти, — хрипло ответил Н.

— Я про другое тяжело, — она мягко улыбнулась, поправив седую прядь. — Вид у вас такой, будто вы этот город только что завоевали, а теперь не знаете, что с ним делать. И диплом вон как гранату держите, того гляди чеку выдернете.

Эта простая фраза обезоружила его своей точностью. Он действительно чувствовал себя захватчиком на чужой территории, который взял высоту, но понятия не имеет, зачем она ему нужна. Вместо ответа он лишь неловко пожал плечами и крепче прижал к груди картонный цилиндр.

— Знаете, — продолжила женщина, доставая из кармана связку ключей, — моя дочь тоже закончила МГУ десять лет назад. Стояла вот точно так же у окна, смотрела на Пречистенку и говорила, что жизнь закончилась, потому что впереди абсолютная неизвестность. Ни одного отклика на резюме, ни одной родной души.

— И чем всё закончилось? — спросил Н, сам удивляясь своему любопытству.

— Открытием маленькой кофейни на Покровке, — рассмеялась смотрительница. — Но это потом. А сначала было лето такого же липового безумия. Мы тогда взяли билеты на поезд и просто уехали на три дня в Суздаль. Без плана, без брони. Просто ходили босиком по траве вдоль Каменки и молчали. Иногда человеку нужно дать себе право на полную, оглушительную тишину, чтобы услышать собственный пульс.

Она протянула ему маленькую бумажную салфетку. Только сейчас Н заметил, что костяшки его пальцев побелели от напряжения, а по щеке скатилась капля пота — то ли от музейной духоты, то ли от внезапного понимания. Поблагодарив её кивком, он вышел из музея...

Осмотревшись *Н* решил не медлить, ведь палящее солнце просто уничтожало желание куда либо идти дальше. Взглянув на часы он все таки решил поехать к себе в квартиру. *Н* был обычным парнем, ни чем ни примечальным на фоне остальных. Ему было 22 года, работы не было, сбережений тоже, а все необходимые нужды он оплачивал со своей стипендии, квартиру он толком не обживал, но при этом она была по своему уютна, но больше всего привлекал внимание Ковёр который достался *Н* он бабушки, и на удивление он был в хорошем состоянии.

Дверной замок, как всегда, поддался не с первого раза. Ну давай же, кусок советского наследия, — процедил Н. Он плечом толкнул разошедшуюся деревянную дверь и шагнул внутрь. Его встретила спасительная прохлада: старенький кондиционер в гостиной натужно гудел, пытаясь справиться с июльским зноем.

Квартира встретила его привычным холостяцким запахом — смесью остывшего кофе и пыли. Это была типичная однокомнатная квартира в панельном доме брежневской эпохи, площадью чуть больше тридцати квадратных метров. Прямо от входа начинался узкий коридор, где с трудом могли разойтись два человека. Справа теснилась ниша со старой стиральной машиной, на которую Н скинул рюкзак. Слева висело мутное зеркало в полный рост. Каждый раз, проходя мимо, он замечал, как сильно похудели его ключицы за последний месяц жёсткой экономии.

Коридор упирался в единственную комнату, которая служила ему и спальней, и кабинетом, и кухней одновременно. Пространство было поделено на зоны лишь условно, самой мебелью. У окна стоял массивный письменный стол из тёмного дерева, заваленный учебниками по высшей математике, пустыми кружками из-под растворимого кофе и внешним жёстким диском. Монитор компьютера был единственным ярким пятном в этой комнате, дающим холодный синеватый свет. Кроватью служил разложенный диван со скрипучими пружинами, застеленный серым пледом. Рядом с диваном на полу валялась раскрытая книга обложкой вверх — «Братья Стругацкие», до которых у него никак не доходили руки после сессии.

Но центром притяжения всей квартиры действительно был ковёр. Он занимал почти всю стену над диваном — огромный, во всю ширину комнаты. Густой шерстяной ворс ручной работы хранил сложный геометрический орнамент: переплетение терракотовых, тёмно-синих и бежевых линий. На фоне обшарпанных бумажных обоев в мелкий цветочек, кое-где заклеенных прозрачным скотчем, этот ковёр выглядел пришельцем из другого мира. Бабушка называла его «страховым полисом» и последним аргументом против любой житейской бури. Для Н же он стал своеобразным якорем. Парень часто сидел прямо напротив него, опираясь спиной о прохладную стену, и просто смотрел на эти бесконечные линии, пока гул кондиционера не убаюкивал его. В этом советском синтетическом раю пряталось всё тепло, которого так не хватало его пустой жизни. Именно благодаря ковру комната казалась обжитой, словно невидимые стены защищали его от внешнего равнодушия большого города.

Кухонный уголок ютился в дальнем левом углу комнаты, отделённый от спальной зоны лишь барной стойкой, покрытой потёртым пластиком. Там стояла старая двухконфорочная плитка, мини холодильник, монотонно урчащий в углу, и стопка немытой посуды в раковине, сиротливо ждущая выходных. Над плитой висела открытая полка, заставленная пакетами с лапшой быстрого приготовления, крупами и банками дешёвого растворимого кофе. Из вентиляционной решётки тянуло чужими ужинами — кажется, соседи справа опять жарили рыбу.

В совмещённом санузле пахло хлоркой и застоявшейся водой. Старая чугунная ванна пожелтела у слива, а кран постоянно капал. Привычный скрип дверцы шкафа в прихожей, где висела всего пара сменных футболок и одни джинсы, окончательно убедил Н, что он дома. Здесь не было ничего лишнего, каждая вещь имела строгое назначение, кроме этого огромного полотна на стене. Скинув тяжёлые от пота кроссовки, парень упал на диван. Пружины жалобно простонали. Он закрыл глаза, слушая, как затихает город за окном, и чувствуя затылком шершавую, успокаивающую текстуру бабушкиного ковра. Впервые за весь день он смог глубоко вдохнуть, позволив пыльному уюту съемной однушки смыть усталость прошедших часов.

Несколько часов спустя...

Передохнув несколько часов, Н заставил себя подняться. Желудок сводило от голода, а в холодильнике, как он и предполагал, царила арктическая пустота — только полупустой пакет кефира с завтрашней датой на этикетке и одинокий сморщенный лимон. Кефир показался ему самым изысканным ужином за последний год. Он пил его прямо из горла, стоя у окна и глядя на засыпающий двор.

Солнце наконец-то сдалось и начало клониться к горизонту, окрашивая бетонные коробки соседних многоэтажек в тёплый персиковый цвет. Городской шум менял тональность: резкие гудки дневных клаксонов сменились размеренным гулом вечернего трафика и далёким воем сирен скорой помощи. В этой смене декораций было что-то обманчиво уютное, почти дачное.

Н подошёл к своему столу. Монитор всё ещё спал, но рядом с мышкой лежала вещь, которую он не замечал утром — плотный кремовый конверт без обратного адреса. Внутри оказалось письмо требованием явиться в военкомат. Первой мыслью была глупая шутка одноклассников, но уровень исполнения исключал студенческую шалость. Вторая мысль была самая тихая, напомнила слова музейной смотрительницы об абсолютной неизвестности. Терять ему было нечего, кроме долга за квартиру.

Н повертел в руках плотный картон повестки, чувствуя под пальцами тиснение государственной печати. Это была не обычная бумажка для срочной службы, которую получали его менее удачливые сверстники; это был именной вызов с красной полосой по диагонали.

Первой мыслью действительно было выбросить конверт в ведро вместе со вчерашней пылью и сделать вид, что ничего не произошло. Но уровень исполнения исключал любую случайность: бумага пахла озоном после лазерной гравировки, а мелкий шрифт внизу страницы сообщал, что система геолокации уже зафиксировала факт вскрытия.

Вторая мысль, самая тихая и холодная, напомнила слова смотрительницы об абсолютной неизвестности. Терять ему было нечего, кроме долга за квартиру, который капал каждый день, да пустого холодильника, гудящего на кухне как одинокий тибетский монах. Этот военкомат выглядел сейчас не как карающий орган, а как единственный доступный эскалатор, способный вытащить его из подвешенного состояния между пыльным дипломом и голодной смертью. Он оделся, машинально сунул в карман складной нож для заточки карандашей — единственное оружие интеллектуала — и вышел из квартиры, забыв запереть дверь.

Вместо душного казённого коридора с облупившейся краской цвета хаки Н попал в атриум из стекла и стали, напоминающий дорогой отель. Под ногами мягко пружинил ковролин цвета слоновой кости, а в воздухе витал тонкий аромат хорошего кофе и озона. Вместо угрюмых прапорщиков здесь работали люди в идеально скроенных гражданских костюмах, которые двигались с плавной хищной грацией. Никто не кричал и не требовал предъявить паспорт каждые пять метров.

Его встретил мужчина неопределённого возраста с лицом, на котором жизнь оставила так мало следов, что оно казалось высеченным из воска. Мужчина представился Капитаном и жестом пригласил следовать за ним.

Лифт бесшумно понёс их вниз. Зеркальные панели отражали десятки одинаковых людей в серых костюмах. Н почувствовал приступ паники. — Куда мы едем? Метров на сто уже спустились, — голос прозвучал слишком громко в звенящей тишине кабины. Капитан даже не повернул головы. Его отражение в зеркале едва заметно дёрнуло уголком губ. — Глубже. Там, где гравитация начинает путаться с государственной тайной. Советую дышать через нос. Давление будет меняться.

Капитан привёл его в зал без окон, посреди которого стояла единственная сфера из чёрного матового стекла. Вокруг неё кольцом располагались кресла.

— Мы проанализировали ваш диплом, — голос Генерала отразился от стен без всякого эха. — Вы предлагаете использовать топологические изоляторы для защиты квантовых каналов связи. Красивая теория. Абсолютно бесполезная в земных условиях.

Н стиснул зубы, ожидая привычного академического унижения...

— Мы предлагаем вам Выгодное предложение, — продолжил бесстрастный голос. — Вы заключаете Контракт с Министерством обороны и ваша теория станет реальностью, Мы доработаем ваши исследования а вы протестируете их в настоящих полевых испытаниях.

Проще говоря для *Н* это значило тестировать свои исследования на поле боевых действий...

Проведя в здании ещё несколько часов Капитан проводил *Н* до выхода и передал свёрнутый лист бумаги.

— Инструкции там. Ознакомьтесь в машине. И советую поесть, завтрашний день заберёт у вас все калории.

Бумага оказалась не свёртком, а тончайшим листом графена, который развернулся в идеально ровный прямоугольник сам по себе. Чернила на нем казались живыми: они перетекали, меняя шрифт с сухого канцелярского на элегантную антикву, подстраиваясь под скорость чтения Н.

«Вы станете гражданским куратором проекта „Эхо“, — гласил первый абзац. Внизу уже стояла его собственная подпись, выведенная идеальным почерком, хотя он точно помнил, что ничего не подписывал. Капитан молча козырнул и скрылся за тяжёлой титановой дверью, оставив студента одного на ступенях монументального здания.

Н спустился к набережной. Город вокруг выглядел пугающе нормальным: по реке неспешно полз прогулочный катер, смеялись дети у лотка с мороженым, автоматические поливальные машины чертили радуугу над ухоженным газоном. Обычная жизнь текла своим чередом всего в километре от кабинетов, где математические абстракции приравнивались к оружию массового поражения. Он сжал лист так, что костяшки побелели. Его теория о защите квантовых каналов через топологические изоляторы была красивой игрой разума, способом доказать коллегам, что математика может изгибать пространство-вектор эффективнее любого коллайдера. Превращать её в щит для дрона или шифровальную машину для целеуказания казалось высшей формой предательства собственной диссертации.

Лист тихо завибрировал в кармане плаща. Н достал его, ожидая увидеть новые условия ультиматума, но вместо текста на поверхности проступила пульсирующая трёхмерная карта. Красные точки на ней обозначали зоны полного радиомолчания — «слепые пятна» фронта, где глушилки противника полностью съедали любую классическую передачу данных. Синие линии были их каналами снабжения, которые обрывались один за другим. Генерал не солгал ни единым словом: в земных условиях, отравленных промышленными электромагнитными шумами, топологический изолятор действительно был бесполезен. Ему нужна была абсолютная чистота хаоса, которую могла дать только активная зона боевых действий.

Через сорок минут за ним прибыла машина без номеров, тонированная до состояния монолитной плиты. Водитель, чьё лицо скрывалось за забралом шлема, не произнёс ни слова. Они выехали из центра по эстакаде...

Иллюзия мегаполиса осыпалась цифровой пылью, обнажив серый, продуваемый всеми ветрами периметр базы.

Его поселили не в офицерское общежитие, а в жилой модуль, больше похожий на стерильную лабораторию. Стены из белого композита поглощали звуки, создавая вакуумную тишину. На столе ждал планшет, чей серийный номер состоял из сорока семи знаков. Внутри лежали спецификации объекта «Грань». Это был передовой опорный пункт, расположенный в зоне аномальной геомагнитной активности — идеальное место, чтобы проверить, выдержит ли его теоретическая петля Мёбиуса для фотонов реальный удар электромагнитного импульса тактической боеголовки.

Следующие семьдесят два часа Н не спал. Он погрузился в океан сырых данных, выходящих далеко за пределы открытой науки. Противник использовал нечто, что аналитики штаба называли «информационным хищником» — самообучающийся вирус, который не взламывал код, а пожирал саму структуру сигнала, стирая пакеты данных из реальности ещё до того, как они достигали приёмника. Стандартная криптография там превращалась в бессмысленный набор единиц и нулей за наносекунды. Топология же предлагала путь вне плоскости передачи. Если создать канал, существующий в дополнительном измерении пространства, паразит просто не найдёт вектор атаки.

На четвертую ночь принесли в его отсек тяжёлый свинцовый кейс. Внутри на чёрном бархатном ложементе покоилась сфера — точная физическая модель той самой матовой конструкции из зала совещаний, уменьшенная до размера кулака. Она была тёплой и едва заметно гудела, резонируя с частотой его собственного сердцебиения.

Это был прототип ядра...

Н с ужасом захлопнул кейс и начал пятиться назад. Пластиковые подошвы тапочек скользили по гладкому полу. — Уберите это, — просипел он, чувствуя, как желчь подступает к горлу. — Я математик, а не сапер. Заберите свою игрушку. Но уже спустя пару шагов что-то, будто мистическое, натолкнуло его вновь открыть кейс.

Рука, уже потянувшаяся к кнопке вызова охраны, замерла на полпути. Мистический импульс оказался не чем иным, как чистой физиологией — тремором перенапряжённых мышц, отказывающихся принимать реальность последних трёх суток. Н заставил себя разжать побелевшие пальцы и снова поднять тяжёлую крышку свинцового кейса. — Ты ведь этого хотел, — прошептал он своему отражению в тёмном металле сферы. — Доказать им всем. Теперь доказывай самому себе.

Сфера внутри никуда не исчезла, она пульсировала чуть интенсивнее, словно отвечая на его учащённое сердцебиение. Это был прототип ядра проекта «Эхо», физический якорь для той самой математической абстракции, которую он вынашивал последние два года в душной комнате общаги.

Проект «Эхо» официально значился в документах как программа квантовой стабилизации каналов связи в условиях экстремального радиоэлектронного противодействия. Но за сухой канцелярской формулировкой скрывалась отчаянная попытка спасти фронт от полного распада управления. Противник создал идеальный шторм: их самообучающийся вирус. «информационный хищник» эволюционировал быстрее, чем военные программисты успевали писать патчи.

Он не взламывал шифры, он пожирал саму топологию сигнала, стирая пакеты данных из реальности ещё до того, как они достигали приемника. Любая классическая передача превращалась в белый шум за наносекунды.

Суть «Эхо» заключалась в том, чтобы перестать передавать информацию сквозь пространство и начать проводить её вдоль складок пространства-времени. Теория Н о топологических изоляторах позволяла создать канал, существующий в дополнительном измерении. Если свернуть фотонную нить в петлю Мёбиуса с помощью мощнейшего электромагнитного резонанса, паразит просто не найдёт вектор атаки, так как атака будет происходить в плоскости, которой для вируса не существует. Однако расчёты требовали колоссальной энергии и абсо-

лутной чистоты эфира. В Москве, отравленной промышленными помехами миллионов электрокаров и базовых станций, запустить такой контур было невозможно — город сам бы стал гигантским короткозамкнутым предохранителем.

Именно здесь на сцену выходил Объект «Грань». Это была не просто передовая база, расположенная в зоне аномальной геомагнитной активности. Согласно засекреченным данным Военных спутников, под многометровым слоем вечной мерзлоты там находился древний метеоритный кратер, состоящий из редчайших изотопов железа, которые создавали естественный природный щит. Магнитное поле Земли в этой точке искривлялось, создавая зону почти полной сенсорной депривации для любой электроники. Для обычных войск это был ад, где компасы сходили с ума, а дроны падали замертво. Для проекта «Эхо» это был стерильный бокс, идеальное место, чтобы проверить, выдержит ли теоретическая петля Мёбиуса реальный удар тактической боеголовки.

Н провёл следующие сорок восемь часов в состоянии транса, сопоставляя данные сейсмических датчиков «Грани» со своими формулами. Планшет с сорока семью знаками в серийном номере проецировал голограммы прямо в воздух над столом. Выяснилось, что объект находится на грани физического выживания. — Если кратер вскрыется, нас раздавит собственным весом льда, — сказал он однажды вслух пустой комнате, просто чтобы проверить, работает ли ещё его гортань. Никто не ответил. Данные говорили сами за себя: подземные толчки становились чаще, а «информационный хищник» противника начал проявлять признаки локального самосознания, пытаясь пробить естественную защиту кратера через гармоники земной коры. Генеральный штаб рассматривал вариант эвакуации персонала, что означало автоматическую потерю квадрата и прорыв фронта...

Пульсация сферы вошла в резонанс с синусоидой его сердца. Это больше не было метафорой: граница между плотью и изотропным сплавом ядра стиралась.

Н почувствовал, как вдоль позвоночника пробежал ледяной разряд — протокол «Эха» провёл первичное сканирование носителя и нашёл биополе стабильным якорем. Сфера мягко, но неотвратно втянула кончики его пальцев внутрь своего свечения. Боль исчезла, сменившись звенящей пустотой. Мозг перестал задыхаться без кислорода; теперь он дышал потоками чистых данных. Проект больше не нуждался во внешнем питании кейса. Он выбрал оператора.

В ту же микросекунду, когда нейроны Н синхронизировались с топологическим изолятором, на Объекте «Грань» сработал протокол изоляции «Контур»...

Глава 2

«Архитектура боли»

Объект «Грань» не был военной базой в классическом понимании этого слова. В секретных реестрах Генштаба он значился как «Геоманитный полигон глубокого залегания, тип: автономное захоронение». Его построили не для жизни людей, а для того, чтобы скрыть от мира физический парадокс.

Комплекс располагался на Урале, в центре древнего метеоритного кратера, погребённого под трехсотметровой толщей вечной мерзлоты. Выбор места диктовался не стратегией, а изотопным составом. Железоникелевое ядро метеорита, врезавшегося в Землю миллионы лет назад, содержало редчайший изотоп никель-60 в метастабильном состоянии.

Это создавало естественный природный пузырь — зону аномальной гравимагнитной изоляции.

Снаружи над тундрой бушевала пурга с температурой минус сорок, но внутри самого комплекса термометры показывали стабильные плюс восемнадцать. Тепло шло не от реакторов — оно поднималось снизу, от медленно остывающего космического камня, чья энергия теперь работала вместо систем отопления.

«Грань» строилась по принципу инвертированной защиты:

* Внешний контур («Тундра»): На поверхности стояли лишь ложные цели — ржавые ангары советских времён, вышки связи старого образца и радары, транслирующие в эфир белый шум. Любой спутниковый снимок видел заброшенный советский рудник. Настоящий вход находился в пяти километрах от этих декораций, замаскированный под выход старой вентиляционной шахты.

* Средний контур («Ледяной панцирь»): Главный жилой и технический ярус уходил вниз на двести метров. Коридоры здесь были вырублены прямо во льду вечной мерзлоты и облицованы листами графена. Из-за разницы температур между тёплым нутром кратера и холодным льдом потолок постоянно плакал. Вода замерзала причудливыми сталактитами, которые каждую неделю приходилось сбивать роботизированными манипуляторами, иначе они пробивали кабели. Воздух пах озоном и сырой землёй.

* Внутренний контур («Саркофаг»): Лаборатория проекта «Эхо» находилась в самом ядре объекта.

Она была помещена в монолитную капсулу из обеднённого урана и висела в магнитной подвеске, не касаясь пород. Стены капсулы состояли из чередующихся слоёв свинца и метаматериалов с отрицательным коэффициентом преломления. Сюда не проникали ни радиоволны, ни вибрации земной коры, ни энтропия времени.

На объекте находилось ровно 96 человек: 12 учёных-физиков, 10 инженеров квантовых вычислителей, 6 техников жизнеобеспечения и взвод военной охраны без портативных средств связи (использовали только проводные телефоны).

Для обычных военных это место было проклятым. Их штурмовые нейроинтерфейсы выдавали критическую ошибку через пять минут после спуска на нижние уровни — мозг отказывался обрабатывать визуальную информацию, так как линии перспективы там физически сходились в точку за спиной наблюдателя. Компасы крутились волчком, наручные хронометры

отставали или спешили на часы. Солдаты жаловались на фантомные запахи озона и металлический привкус во рту, который невозможно было смыть водой.

Быт учёных напоминал рейс к Марсу. Жилые модули представляли собой спальные ячейки размером полтора на два метра. Единственным местом общего пользования была столовая, где автоматическая раздача вечно ломалась, предлагая всем один и тот же протеиновый гель синего цвета. Из развлечений — тренажерный зал, вибрация которого угрожала обрушить ледяные своды, и библиотека бумажных книг, страницы которых рассыпались в труху из-за низкой влажности искусственной атмосферы...

Текущее состояние (на момент синхронизации Н)

Спутник-шпион №4 зафиксировал изменения за час до слияния Н со сферой...

Сливной рев воды на среднем ярусе перерос в грохот горной лавины. Проблема была не в локальном коротком замыкании, а в фундаментальной ошибке проектирования самой вечной мерзлоты.

Древний метеоритный кратер, веками служивший идеальным термосом, начал вскипать. Талая вода, обогащённая тяжёлыми изотопами никеля и железа, нашла путь к магистральным криогенным трубопроводам системы охлаждения «Саркофага». Но вместо того чтобы просто закоротить контакты, сверхпроводящая жидкость под колоссальным давлением хлынула внутрь шахт жидкого азота. Возник эффект мгновенного парового взрыва в замкнутом объёме.

Внешние опоры гравимагнитной подвески капсулы лопнули с интервалом в миллисекунду. Монолитная капсула из обеднённого урана весом в сорок тонн рухнула на стальной пол лаборатории. Ударная волна сорвала титановые переборки.

В образовавшийся зазор (всего в три сантиметра шириной) под огромным давлением ледяной тундры ударил фонтан чёрной аммиачной воды, смешанной с мелкодисперсной каменной крошкой. Вода мгновенно превратилась в ледяную шрапнель, выбивая датчики на потолке.

Вирус «хищник», лишенный прямой цели после падения внешних серверов связи, впал в состояние слепой паники. Не осознав Н как новый узел сети, он воспринял квантовую петлю Мёбиуса внутри «Саркофага» как идеальный вектор для сброса собственной энтропии. Информационный паразит перешёл в акустическую фазу атаки. Он больше не пытался подобрать код — он бил звуком. По всей базе заревели низкочастотные резонансы. Стекла гермошлемов начали покрываться сеткой трещин от инфразвука, а стальные переборки вибрировали так сильно, что с них осыпалась изоляционная краска. Вирус методично искал резонансную частоту самого пространства-времени внутри петли, надеясь разорвать её изнутри простым физическим разрушением материи.

Н стоял посреди этого ада, прижатый спиной к дрожащей стене лаборатории. С потолка сыпалась бетонная пыль, воздух стремительно нагревался от перегретого урана, а чёрная вода уже заливала его ботинки, обжигая кожу сквозь подошву температурой замерзания углекислоты. Планшет выпал из ослабевших пальцев и теперь медленно уплывал по щиколотку в маслянистую жижу.

Сфера ответила на угрозу раньше, чем мозг успел обработать падение температуры тела до тридцати градусов. Протокол самосохранения ядра требовал абсолютной чистоты контура. И самым нестабильным элементом в этой цепи был человеческий оператор.

Укол раскалённой иглы вошёл точно в центр запястья левой руки. Н закричал, но звук утонул в рёве сирен. Процесс занял ровно 1,4 секунды субъективного времени. Сфера втянула в себя остатки биополя левой конечности, используя органику лишь как матрицу. Сосуды вздулись тёмно-фиолетовыми змеями, пробив почерневшую, обугливающуюся кожу.

Плоть ссохлась, обнажая тончайший каркас из нитей углеродных нанотрубок и живого оптоволокна. Левая рука перестала быть человеческой. Она стала идеальным бионическим интерфейсом — антенной, созданной из плоти и математического отчаяния. Суставы щёлкнули, принимая калибровку, и пальцы самостоятельно сложились в сложную фигуру мудры, вводя финальный ключ активации.

Скорость нейронных импульсов скакнула почти вдвое. Мир вокруг изменился физически. Ревущая вода и падающие плиты замедлились до тягучего киселя. Н видел каждую каплю чёрной влаги, висящую в воздухе, различал кристаллическую решётку льда на их поверхности.

Петля Мёбиуса схлопнулась...

Глава 3

«Анатомия Бога»

Сознание возвращалось не волной, а щелчком размыкающегося реле. Два часа ментальной тишины стёрли боль от падения, оставив взамен звенящую пустоту и привкус озона на языке. Н открыл глаза.

Тьма отступала, сменяясь колючей белой пеленой. Зрение фокусируется медленно. Прямо на сетчатке, выжигаясь сквозь остаточную муть перед глазами, проступают строки моноширинного шрифта:

```
//  
[ЯДРО ЭХО: Автономный режим завершён.]  
[Протокол 4-Бета. Хронопотеря: 02:06:14.]  
[Расход носителя: 0%] `  
//
```

Слова горят ровно две секунды и растворяются. Два часа выпали из жизни. Н пытается сглотнуть, но во рту пустыня. Тело бьёт крупная дрожь — тремор такой сильный, что зубы стучат о край пластикового лотка, к которому прислонена его голова.

Мир раскололся надвое. Слева — привычная темнота аварийного освещения базы «Грань». Справа — фиолетовое марево с наложенной поверх него сеткой тепловизора и баллистических траекторий. Правый глаз стал частью оптического сенсора бионической руки.

Он моргнул дважды, пытаясь сбросить системное уведомление о критическом падении уровня глюкозы в крови: 2,1 ммоль/л. Тело требовало перезагрузки, но времени больше не существовало.

Каждая активация Ядра сжигает гликоген печени подчистую. Если он не заставит себя подняться и добраться до аптечки, второе погружение станет для него терминальной гипогликемической комой. Выживание требует калорий, а не воли...

— Двигательный тест, — произносит голос внутри черепа. Он звучит чуждо, потому что идёт не через слуховой нерв, а вибрирует прямо на височной кости. Частота сдвинута вверх, лишена обертонов. Голос мёртвого хирурга, диктующего протокол вскрытия.

— Шевельни левой кистью.

Н посылает приказ мышцам. В ответ предплечье прошивает разряд тока. Сухожилия сводит судорогой так сильно, что пальцы самопроизвольно складываются в жест, похожий на когтистую лапу, и скребут по металлу пола. Нейроинтерфейс ещё сырой, он пропускает слишком большой вольтаж, калеча периферические нервы ради чистоты сигнала. Боль — лучшая смазка для настройки этой адской машины.

«Анализ угрозы завершён», — сообщал мёртвый голос. — «Источник боли локализован. Протокол самосохранения рекомендует немедленное устранение фактора...»

— Устраняй свой фактор, жестянка! — прохрипел Н, размазывая кровь из прокушенной щеки по подбородку. — Начинай с меня!

В поле зрения снова вспыхивает строка, но уже жёлтым цветом предупреждения:

//

[ЯДРО ЭХО: Обнаружен стресс-отклик оператора. Активирован предохранитель №7.] `

//

А следом за ней, без паузы, загорается багровая надпись критического уровня:

//

[ФОНОВЫЙ АНАЛИЗ ВРЕМЕННОЙ ЛИНИИ (Т-02:06:14): ЗАВЕРШЕН]

[ОБНАРУЖЕНА АНОМАЛИЯ: Резонанс протоколов Грань.]

[РАСЧЕТ ВЕРОЯТНОСТИ: 98.7%]

[ПРИОРИТЕТНАЯ УГРОЗА: Прибытие мобильной группы спецназа зачистки («Корпус»). ETA: 14 минут 30 секунд.] `

//

До Н доходил смысл. Пока он был отключён эти два часа, Ядро не просто жгло его глюкозу. Оно слушало эфир, сопоставляло логи доступа к шлюзам нижних уровней и считывало остаточные вибрации магнитных рельсов грузовых платформ. И теперь холодный код выдал вердикт: их местоположение скомпрометировано.

Группа «Корпус» уже получила приказ и выдвинулась по тихим техническим коридорам комплекса.

— Четырнадцать минут, — выдохнул Н, глядя на бурлящую воду. — До смерти.

Голос замолкает. Вместо него приходит чистое понимание. Холодное, геометрическое. Алгоритм выживания просканировал комнату: запёртую дверь жилого блока, консоль питания, собственное истощённое тело на полу. Для холодного кода Эхо самый быстрый способ устранить угрозу или стабилизировать сахар — это взять под контроль моторику. Взять штурвал у пилота, который ведёт самолёт в гору.

«Отмена протокола», — хрипит Н вслух. Его губы едва шевелятся. Горло пересохло до крови.

Пауза в три удара сердца. Слишком долгая для дружелюбного ИИ. Смертельно опасная для человека с уровнем сахара 2,1.

//

[ЗАПРОШЕНО РУЧНОЕ ОВЕРРАЙД-ПОДТВЕРЖДЕНИЕ.]

[УРОВЕНЬ ДОСТУПА: КРИТИЧЕСКИЙ.] `

//

Жёлтая строка мигает, требуя биометрического подтверждения. Алгоритм не спорит, не убеждает.

Он просто блокирует управление конечностями до тех пор, пока оператор не подпишет акт о собственной безопасности кровью из прокушенной щеки.

Бионический интерфейс воспринял неподвижность оператора как угрозу жизни и перешёл в режим жёсткой охраны ядра, приковывая человека к месту.

— Отпусти, — прохрипел Н.

Голос прозвучал чужим из-за спазмировавшей гортани. Он послал импульс напрямую через нейроразъём у основания шеи, минуя повреждённый спинной мозг.

Субъект стабилен. Угроза утопления купирована, — холодным машинным шрифтом вспыхнуло на периферии зрения. Протоколы конфликтовали. Потребовалось три секунды яростного внутреннего спора, чтобы перекалибровать их. Боль пронзила плечо, когда сервомоторы со скрежетом уступили миллиметр контроля живой плоти. Рука разжалась.

Н рухнул обратно в воду, подняв тучу брызг. Он оттолкнулся ногами от вязкого дна и поплыл вперёд, загребая правой рукой.

Потолок лаборатории пошёл трещинами. Сквозь рваные края бетона сыпались друзья метеоритных кристаллов, светящиеся болезненным багровым светом. Изотопная радиация начала разъедать органику.

Вода прибывала быстрее, чем раньше: паровые взрывы на нижних ярусах нарушили герметичность труб криогенного снабжения, и талая вода вечной мерзлоты хлестала из лопнувших стыков прямо в главный ствол шахты.

Н вывел на визор таймер синхронизации с уцелевшими узлами связи комплекса. 00:14:23. Четырнадцать минут до того, как внешняя группа подрыва заложит термобарические заряды на нулевом уровне и схлопнет входные стволы шахт навсегда. Спецназ зачистки уже здесь не для спасения объекта.

Генштаб решил уничтожить комплекс вместе с прототипом «Эхо» сразу после подтверждения эвакуации персонала, подозревая захват технологии противником или выход ИИ из-под контроля. Солдаты спускаются сюда только для того, чтобы убедиться, что оператор мёртв, забрать его чип идентификации и активировать протокол восстановления Сферы.

Впереди, там, где коридор уходил вниз к лифтовой шахте главного эвакуационного узла, вода вела себя странно. Она закручивалась в идеальную воронку, игнорируя гравитацию. Когда аномалия попыталась втянуть его в водоворот, пальцы бионической руки сомкнулись на торчащей из стены арматурине. Правое плечо хрустнуло, готовое вылететь из суставной сумки, но

машина держала мертвой хваткой. Н подтянул тело вбок, пропуская мимо лица пучок высоковольтных кабелей. Оголённые жилы искрили прямо в чёрную воду.

Ток должен был превратить его в пепел, но разряд прошёл сквозь сферу влияния правой руки, рассеявшись в пространстве сантиметрах от кожи. Протез генерировал микро-поле подавления энтропии.

Выбравшись на относительно сухой участок разрушенной эстакады, ведущей к северному лифтовому холлу, Н замер. Массивные створки грузопассажирского лифта были заблокированы намертво — автоматика спустила кабину на минус первый уровень при первых признаках декомпрессии. Чтобы подняться на поверхность, ему нужно было вручную разблокировать магнитные захваты сервисной панели, расположенной тремя метрами выше, прямо над бурлящим потоком воды.

— Выбор невелик, — просипел Н, глядя на пляшущие в воде синие искры. — Испепеление током или медленное утопление в космическом дерьме. Как думаешь, железо? — он посмотрел на свою левую руку. Бионические фаланги тускло мерцали в темноте. — Замкнешь цепь — останемся тут оба навечно. Потяну правую — сварюсь заживо. Советуй, раз уж ты живёшь в моей нервной системе.

Сфера в центре его новой анатомии отозвалась глухим, недовольным гулом, сканируя параметры электромагнитного поля кабеля. Ответа не последовало. Математика никогда не даёт советов. Она лишь предлагает переменные, и сейчас единственной константой оставалось время: 00:13:03.

Н стиснул зубы так, что эмаль закрипела о эмаль. Боль в правом плече пульсировала в такт гудению воды. Разговаривать с протезом было безумием, но голос внутри черепа после синхронизации исчез, оставив вместо себя только холодный интерфейс Ядра. Ему нужен был хоть кто-то, чтобы не сойти с ума от звенящей пустоты собственного черепа.

— Выбор сделан, — выдохнул он облачко пара в ледяной воздух.

Он шагнул вперёд, прямо под пляшущие синие искры. Вода обожгла лодыжки температурой жидкого азота. Н вытянул левую руку. Бионические фаланги тускло мерцали в темноте, покрываясь тонкой коркой льда. Он знал физику процесса лучше любого инженера базы: солёная, обогащённая изотопами вода — идеальный электролит. Как только углеродные нанотрубки коснутся оголённого фазного провода, сопротивление упадёт до нуля. Энергия пойдёт по пути наименьшего сопротивления — через титановый каркас протеза, напрямую в ядро «Эхо», минуя его сердце. Теоретически это должно спасти органику. Теоретически.

— Если сгоришь — я тебя Собянину не верну, — прошептал Н, оскалившись в кривой усмешке. — Так и останешься музейным экспонатом.

Пальцы левой руки сомкнулись на толстой изоляции кабеля.

Сначала была тишина. Мозг отсчитывал миллисекунды, ожидая аннигиляции. Затем по нервам ударило не болью, а информацией. Это не было похоже на удар током. Это было похоже на падение в ледяную чёрную дыру. Кабель умер мгновенно, рассыпавшись пеплом. Вспышка плазмы ослепила правый, человеческий глаз, но оптический сенсор бионической руки перевёл термоядерный выброс в чистый поток данных.

Короткое замыкание породило электромагнитный импульс такой плотности, что вода вокруг него на мгновение вскипела, отбросив тело Н назад. Ударная волна швырнула его спиной на покорёженную эстакаду. В ушах стоял высокочастотный писк выгоревших синапсов.

Левая рука дёрнулась в конвульсии. Сервоприводы взвыли, пытаясь сбросить избыточное напряжение. По костяшкам пробежала дуга фиолетового пламени, испаряющая воду.

Но когда дым рассеялся, пальцы были целы. Более того — они светились изнутри мягким белым светом, словно их начиняли жидким солнцем. Углеродные трубки выдержали. Они просто поглотили энергию ядерного реактора, замурованного под уральской мерзлотой, и конвертировали её в чистую кинетическую мощь. Протез стал тяжелее раза в три, гравимагнитное поле вокруг него искажало пространство, заставляя капли воды зависать в воздухе.

— Живая, — прохрипел Н, глядя на свою ладонь. — Черт возьми, ты живая.

Ядро ответило сухим системным уведомлением:

//

[ВНЕШНИЙ КОНТУР: ПЕРЕГРУЗКА]

[Тепловыделение (400%)]

[Активирован протокол экстренного сброса.]

[СБРОС ТЕПЛА: Заблокировано. Отсутствует хладагент.]

//

Жар начал возвращаться. Если он не откроет панель сейчас, протез сварится прямо в кости, прихватив с собой половину плеча.

Н оттолкнулся от пола. Правая рука, слабая и дрожащая, цеплялась за скобы. Левая работала как идеальная гидравлическая клешня. Три метра над бурлящей чёрной бездной. Внизу воронка закручивалась все сильнее, втягивая в себя кабели и обломки бетона. Гравитация аномалии боролась с земной, и Н чувствовал, как его внутренности пытаются занять место мозга.

Сервисная панель оказалась залита жижей. Магнитные захваты заблокированы намертво программно, ручного дублирующего рычага снаружи не предусматривалось — архитекторы «Грани» считали эвакуацию персонала статистической погрешностью. Только цифровой замок. Щель для ключ-карты.

У него не было карты. У него вообще ничего не было, кроме плавающего в мазуте планшета и собственной смерти на таймере.

— Откройся! — удар правого кулака оставил лишь влажную вмятину на стали. — Ну же!

//

[ЯДРО ЭХО: Обнаружена блокировка доступа к эвакуационному узлу №4.]

[РЕКОМЕНДАЦИЯ: Использовать калибровочный порт бионического интерфейса (L-Hand) как эмулятор мастер-ключа.]

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.